

УДК 316.014, 314

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-170-177

Юрасов Игорь Алексеевич

д-р социол. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4884-6422
e-mail: jurassow@yandex.ru

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7311-6280
e-mail: margo10@inbox.ru

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9835-9430
e-mail: vayudina@fa.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Аннотация. В ходе социологического анализа были выявлены языковые модели исторической памяти студентов, события и исторические деятели, представляющие собой, по мнению молодежи, «политическое зло» и «политическое добро» в истории России. В качестве политического зла студенты назвали крепостное право, «сталинские репрессии», голод 20–40-х гг. XX в., войны в Афганистане и Чечне; в качестве политического добра – победы в Отечественной войне 1812 г., в Великой Отечественной войне, полет в Космос, олимпиады 1980 г. и 2014 г. Авторские социологические исследования крупнейших российских мегаполисов выявили сложность, противоречивость исторической памяти студенческой молодежи. В ходе исследования была установлена приверженность студенческой молодежи либеральной идеологии, неглубокая осведомленность о жизни своей семьи, своего рода в более ранние периоды российской истории, начиная с дореволюционного времени, заканчивая жизнью своих родственников в 20–40-е гг. XX в., ассоциация политического добра с достижениями нашей страны и ассоциация политического зла с поражениями и реформами.

Ключевые слова: историческая память, модели, историзация, политическое зло, политическое добро, языковые модели исторической памяти, ассоциации, исторические победы, исторические поражения, триггеры памяти

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31099 опн.

Для цитирования: Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А. Особенности исторической памяти студентов российских мегаполисов//Вестник университета. 2021. № 10. С. 170–177.

Igor A. Yurasov

Dr. Sci. (Soc.), Penza branch of Financial University, Penza, Russia
ORCID: 0000-0002-4884-6422
e-mail: jurassow@yandex.ru

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Soc.), Penza branch of Financial University, Penza, Russia
ORCID: 0000-0001-7311-6280
e-mail: margo10@inbox.ru

Vera A. Yudinina

Cand. Sci. (Soc.), Penza branch of Financial University, Penza, Russia
ORCID: 0000-0001-9835-9430
e-mail: vayudina@fa.ru

FEATURES OF THE HISTORICAL MEMORY OF STUDENTS OF RUSSIAN MEGACITIES

Abstract. In the course of sociological analysis, linguistic models of students' historical memory, events and historical figures were identified, that represent, in the opinion of young people, the "political evil" and the "political good" in Russian history. The students identified serfdom, "Stalinist repressions", the famine of the 1920s and 1940s and the wars in Afghanistan and Chechnya as "political evil". The "political good" – the victories in the Patriotic War of 1812, the Great Patriotic War, the flight to space, the 1980 and 2014 Olympics. The author's sociological studies of the largest Russian megalopolises have revealed the complexity and inconsistency of the historical memory of student youth. The study established the adherence of student youth to liberal ideology, a shallow awareness of the life of their family, their kin in earlier periods of Russian history, from pre-revolutionary times to the lives of their relatives in the 20-40s of the XX century, the association of "political good" with the achievements of our country and the association of "political evil" with defeats and reforms.

Keywords: historical memory, models, historicization, political evil, political good, linguistic models of historical memory, associations, historical victories, historical defeats, triggers of memory

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research under research project no. 21-011-31099 opn.

For citation: Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudinina V.A. (2021) Features of the historical memory of students of Russian megacities. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 170–177. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-170-177

Введение

Рост политической радикализации российской студенческой молодежи, рост контрэлитного популизма, некритичное, эмоциональное восприятие политической повестки дня, которые наряду с объективными социально-политическими и социально-экономическими причинами, имеют социально-психологические,

© Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudinina V.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ментальные, когнитивные и семиотические основания, определяют актуальность настоящего исследования. Для преодоления негативных популистских социально-политических тенденций в необходимо провести сравнительное изучение и анализ социосемиотических структур исторической памяти у студенческой молодежи мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга) и крупных провинциальных городов, являющихся типичными регионами Российской Федерации, в силу одновременного включения в социальные, политические, экономические практики традиционного, индустриального и информационного обществ.

В данной статье представлен анализ особенностей исторической памяти студенческой молодежи мегаполисов.

Постановка проблемы

Историческая память народов, его отдельных социальных групп является актуальной проблемой государственного, идеологического и ментального строительства как старых, так и новых наций и государств. Феномен и специфика исторической памяти являются весьма сложными, противоречивыми, субъективными образованиями. Воскрешая и анализируя языковые модели исторической памяти, нельзя делать однозначных и объективных выводов об историческом пути наций, социальных групп и государств, но выявляя базовые паттерны исторического мемориального дискурса народа, необходимо корректировать образовательную и воспитательную политику, формировать и разрабатывать историческую политику государства [1].

Историческая память – это способ конструирования социумами своего прошлого, основанного на субъективно интерпретируемых, и ценностно маркируемых рефлексиях ключевых для данного социума событий прошлого [6]. Историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение, исторических нарративов, субъективно переломленных рефлексией о событиях прошлого [7]. Она складывается из отдельных образов индивидуальной памяти, обобщенным образом разделяемых всеми, или большинством членов сообщества. Существуют такие моменты, когда индивидуальная человеческая память может органично вписываться в коллективную историческую память, а может ей противоречить [8]. Примерами этого служат различные семантически виды моделей исторической памяти о 90-х гг. XX в. в истории России, когда один и тот же период трактуется как «лихие 90-е» и «святые, благословенные 90-е».

Историческая коллективная память молодежи представляет собой языковые репрезентации и интерпретации образов прошлого [9]. Коллективная историческая память метафорична. Для формирования и существования моделей исторической памяти каждого конкретного общества важен социальный контекст бытования воспоминаний, коллективно разделяемые языковые репрезентации прошлого [11].

Формой существования коллективной исторической памяти является языковая модель. Она представляет собой языковое образование, состоящее из постоянных семантических элементов, объединенных закономерной связью, которые могут быть выражены символами [10]. Это мысленное устройство, представляющее базовые социальные смыслы в упрощенном виде. Языковое моделирование – это основополагающая когнитивная способность, способ когнитивного взаимодействия человека со средой [12].

В языковую модель входят семантические конструкты, которые могут в силу своей семантики находиться в ситуации интертекстуальной связи с другими конструктами. Интертекстуальность формирует сильную и слабую позицию семантических конструктов, выражающих те или иные социокультурные ценности. Сильная позиция исторического нарратива, его смысла представляет собой разделяемость ее большинством членов социума, представителями одного социального архетипа. Сильная позиция нарратива, выражающего те или иные исторические ценности и смыслы, предполагает нахождение его на базовом глубинном уровне, и является условием и причиной формирования закрытой системы ценностей. Чем больше в историческом нарративе таких ценностей, тем закрытее и неконгруэнтнее является нарратив об исторической памяти, тем труднее он разделяется носителями альтернативных исторических нарративов. Открытая система ценностей состоит из слабых ценностей малого количества. Это является важной предпосылкой успешной ментальной коммуникации и диалога культур, предпосылкой разделяемости исторического нарратива представителями других культур.

Языковая модель исторической памяти – это модель, состоящая из готовых смыслов. Это компонентная модель, модель структуры, модель, построенная с помощью анализа текстов. В лингвистике различают диахронические (исторические) и синхронические модели. В языковых моделях исторической памяти функционируют диахронические модели.

Литературный обзор

Вопросы анализа и управления исторической памятью молодежи становятся важным аспектом государственного строительства, развития в современном мире и важным моментом разработки исторической политики современных государств. С помощью управления исторической памятью молодежи можно менять вектор развития стран, создавая государственно ориентированные или диссидентско-оппозиционные типы личностей в стране.

Впервые феномен исторической памяти стал разрабатывать в своих трудах М. Хальбвакс в 20-е гг. XX в. В русле его идей проходил анализ истории человеческой памяти в работах В. А. Ачкасова, В. Болебера, Х. Вельцера, О. Ю. Малиновой, М. Найдорф и др. [2; 3; 4; 5].

Согласно актуальным социально-философским, социологическим, социально-психологическим, семиотическим, политологическим трактовкам, историческая память представляет собой общепринятые представления о прошлом. Она является основой формирования идентичностей политических сообществ. Историческая память организует современные социальные представления о прошлом, социально разделяемые знания об истории страны, рода, семейного клана. Согласно современным теоретико-методологическим воззрениям на историческую память, прошлое служит строительным материалом для конструирования разных типов социальных, политических идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций.

Последние социологические, социокультурные и исторические исследования показывают некоторое различие в восприятии российской истории, в формировании ментальных и языковых структур исторической памяти студенческой молодежи российских мегаполисов и российской провинции. Стало быть, специфика городского пространства, его социокультурное наполнение влияют на менталитет российской студенческой молодежи, на формирование структур исторической памяти.

Теория и методы

В качестве базы данных исследования выступили научные разработки отечественных авторов, учебные издания, данные эмпирических исследований, в том числе размещенных в открытом доступе в сети «Интернет». В качестве методов исследования выступили монографический, логический, сравнительный, системный методы исследования.

Исследование специфики формирования исторической памяти студенческой молодежи в мегаполис Российской Федерации проводилось в июне–сентябре 2021 г. с применением анкетного опроса. Количество респондентов составило: в Москве – 289 чел., в Санкт-Петербурге – 198 чел., в Самаре – 201 чел., в Новосибирске – 189 чел., в Казани – 84 чел. Общее число респондентов составило 961 чел.

Анализ результатов

В ходе социологического анализа были выявлены идеологические предпочтения студентов мегаполисов. Большинство опрошенных никогда не задумывались о собственных идеологических взглядах (51,6 %), что может свидетельствовать об общей аполитичности российской студенческой молодежи. Однако, следует отметить, относительную популярность либеральной идеологии (29,5 %) среди жителей мегаполисов.

Наибольшая доля опрошенных исповедует православную веру (64,3 %). Однако, следует отметить, что в городе Новосибирск среди респондентов наиболее распространен ислам (71 %). Ответ «другое» выбрали сторонники агностицизма. Наибольшее число атеистов среди студенческой молодежи России проживает в Санкт-Петербурге (44,8 %), примерно одинаковое количество атеистов выявлено в Самаре и Новосибирске. Атеистическая идентичность наиболее распространена в российских мегаполисах. По мнению экспертов, атеизм четко коррелирует с протестными настроениями студенческой молодежи, с критическим восприятием окружающей действительности. Атеистическое мировоззрение может стать основой развития популистских, экстремистских и радикальных политических настроений среди столичных мегаполисов.

Революции 1917 г. были охарактеризованы большинством респондентов как закономерное явление (48,9 %). Жители мегаполисов в большинстве своем негативно относятся к этим событиям, считая их хотя и закономерными, но катастрофичными для российской истории (29,8 %).

При ответе респондентов на вопрос «Какие смыслы и значения у Вас ассоциируются с российской историей 1950–1980 гг.?» большинство опрошенных отмечало развитие промышленности и сельского хозяйства, стабильность, дружбу народов. К числу ассоциаций также относятся «лучшее время для моей семьи», «великое, но трудное время», «читающая страна».

Наиболее сложный и болезненный вопрос российской истории – это вопрос оценки репрессий в СССР 1920–1950-х гг. Большинство респондентов связывают репрессии в СССР с периодом правления И. В. Сталина и с концом 1930-х гг. (максимальная величина (51,7 %) – Санкт-Петербург, 34,9 – среднее арифметическое по городам). Ассоциации с репрессиями у опрошенных связаны как с периодом 1920-х гг., так и с периодом 1933–1937-х гг., послевоенным периодом 1945–1953 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Репрессии в СССР» ассоциируются у вас...»

Наименование города	С периодом 1920-х гг., %	С 1933 – 1937 гг., %	С послевоенным периодом 1945–1953 гг., %	С периодом после 1952 гг., %	Затрудняюсь ответить, %	Другое, %
Москва	12,9	38,7	16,1	-	32,3	-
Санкт-Петербург	20,7	51,7	3,4	10,3	13,8	-
Самара	8,3	33,3	16,7	16,7	25,0	-
Уфа	1,2	15,9	22,0	7,3	40,2	1,2
Казань	-	-	-	-	100,0	-

Составлено авторами по материалам исследования

При ответе на вопрос о важных исторических событиях, вызывающих гордость, и которые авторы настоящего исследования характеризуют как однозначное «политическое добро», респонденты отмечали победы в Отечественной войне 1812 г. (17,12 %) и Великой Отечественной войне (21,5 %), первый полет в космос (18,4 %), олимпиады 1980 г. и 2014 г. (12,6 %). Подробнее выбор ответов респондентами представлен в таблице 2.

Таблица 2

Выбор респондентами самых важных событий российской истории, вызывающих гордость

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Успехи России в начале XXI в., %	-	-	-	-	-
Победа революции 1917 г., %	3,6	1,3	5,3	6,8	-
Коллективизация, индустриализация, %	-	1,3	2,6	5,3	50,0
Победа большевиков в Гражданской войне 1918–1922 гг., %	1,2	2,5	5,3	4,2	-
Победа в отечественной войне 1812 г., %	6,0	5,0	13,2	11,4	50,0
НЭП, %	4,8	5,0	2,6	5,3	-
Опричнина, %	-	-	-	-	-
Репрессии Ленина, Троцкого, %	-	-	-	-	-
Репрессии Сталина, %	1,2	-	-	0,8	-
Хрущевская оттепель, %	2,4	3,8	2,6	1,5	-
Победа в Великой Отечественной войне, %	29,8	28,7	26,3	23,1	-
Первый полет в космос, %	26,2	28,7	18,4	17,4	-
Создание социалистического блока, %	2,4	1,3	2,6	2,7	-

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Олимпиады 1980 г. и 2014 г., %	16,7	18,8	15,8	11,7	-
Перестройка 1980-х гг. (1985–1991 гг.), %	3,6	1,3	-	4,2	-
Рыночные реформы 1990-х гг., %	2,4	1,3	5,3	2,7	-
Борьба с религией и церковью в 1920–1950-е гг., %	-	-	-	1,9	-
Война в Афганистане, %	-	-	-	0,8	-
Война в Чечне, %	-	1,3	-	0,4	-

Составлено авторами по материалам исследования

Студенты мегаполисов считают «политическим злом» крепостное право (10,2 %), «сталинские репрессии» (9,5 %), довоенный и послевоенный голод (13,6 %), холокост (10,8 %), чеченскую и афганскую военные кампании (10,4 %). Подробнее выбор ответов респондентами представлен в таблице 3.

Таблица 3

Выбор респондентами самых важных событий и социально-исторические процессов российской истории, вызывающих сожаление, стыд

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Победа революции 1917 г., %	2,0	1,4	-	1,4	-
Коллективизация, индустриализация, %	-	2,1	-	-	-
Крепостное право, %	14,1	11,4	11,6	14,2	-
Опричнина, %	4,0	7,1	2,3	8,0	-
Победа большевиков в Гражданской войне 1918–1922 гг., %	2,0	0,7	2,3	0,7	-
Победа в Отечественной войне 1812 г., %	2,0	0,7	-	1,0	-
НЭП, %	-	0,7	2,3	0,7	25,0
Репрессии Ленина, Троцкого, %	5,1	5,0	2,3	5,2	-
Репрессии Сталина, %	11,1	11,4	7,0	8,7	-
Хрущевская оттепель, %	-	-	2,3	2,1	-
Холокост, %	10,1	11,4	11,6	10,4	-
Голод 1921–1922 гг., 1929–1934 гг., 1946–1948 гг., %	12,1	10,7	18,6	13,2	-
Первый полет в космос, %	2,0	-	2,3	1,0	25,0
Создание социалистического блока, %	-	0,7	-	0,3	-
Олимпиады 1980 г. и 2014 г., %	1,0	-	-	0,3	-
Перестройка 1985–1991 гг., %	4,0	2,9	4,7	2,4	-
Рыночные реформы 1990-х гг., %	4,0	2,9	2,3	3,1	50,0
Борьба с религией и церковью в 1920–1950-е гг., %	5,1	7,9	7,0	7,3	-
Война в Афганистане, %	10,1	10,0	11,6	10,1	-
Война в Чечне, %	11,1	12,9	11,6	9,7	-

Составлено авторами по материалам исследования

Анализируя данные опросов, представленные в таблицах 2 и 3, можно сделать вывод о том, что политическое добро для студенческой молодежи связано с победами и достижениями российского народа, а политическое зло – с поражениями, потерями, реформами.

Ассоциации большинства опрошенных со временем СССР 1950–1960-х гг. связаны со стабильностью (56,7 %), дефицитом (43,2 %), качественными продуктами питания (41,2 %) и образованием (39,7 %), пионерией и комсомолом (35,8 %), полетом в космос (32,6 %) и мультфильмами (29,7%).

При ответе респондентов на вопрос «С чем у Вас ассоциируется время Перестройки (80-е гг. XX в.) и рыночных реформ 90-х гг. XX в.?», ассоциации большинства опрошенных связаны с переменами, криминалом, безработицей, невыплатами заработных плат, тревогой (67,9 %). В этом отношении авторы исследования видят противоречия в образах исторической памяти, когда респонденты характеризовали период 1990-х гг. как благоприятный, и очевидно, «необходимый», с их точки зрения, но большинство ассоциаций студентов российских мегаполисов негативные: бедность, снижение уровня жизни, криминал, безработица (табл. 4).

Таблица 4

Ответ респондентов на вопрос «С чем у Вас ассоциируется время Перестройки (80-е гг. XX в.) и рыночных реформ 90-х гг. XX в.?»

Ассоциации	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Перемены, %	13,7	10,5	14,6	11,5	25,0
Дефицит, %	9,4	7,6	9,8	8,6	25,0
Демократия, свобода, %	6,5	4,7	9,8	3,2	-
Новые возможности, %	5,0	7,6	9,8	5,5	-
Рэкет, криминал, %	10,8	10,5	7,3	8,1	25,0
Безработица, %	12,2	11,0	12,2	9,5	-
Безнадега, %	3,6	2,9	4,9	5,2	-
Бездомные, %	2,9	4,1	-	6,3	-
Невыплаты пособий и заработных плат, %	8,6	8,7	7,3	6,9	-
Наркомания, алкоголизм, %	2,9	4,1	2,4	5,5	-
Криминал, коррупция, %	8,6	9,9	9,8	9,5	25,0
Счастье, покой, радость, %	-	-	-	-	-
Тревога, %	7,9	7,6	4,9	7,5	-
Ельцин, %	5,0	9,3	7,3	8,4	-
Позор, %	2,9	1,7	-	4,3	-

Составлено авторами по материалам исследования

Среди ответов респондентов на вопрос об исторических деятелях, деятельность которых вызывает гордость, и чью личность можно отнести к «политическому добру», первое место заняла личность Петра I (28,3 %), далее идут деятели советской эпохи – Жуков (26,8 %), Сталин (22,6 %), Брежнев (19,7 %). Две исторические личности связаны с периодами развития и модернизации (Петр I, Сталин), что однозначно говорит о запросах о развитии и модернизации у российской студенческой молодежи крупных городов.

При ответе респондентов на вопрос об исторических деятелях, деятельность которых вызывает стыд, и которые можно отнести к «политическому злу» распространенными ответами респондентов являются: народовольцы, Сталин (41,8 %), Ельцин (39,7 %), Путин (27,6 %). Следует отметить, что фигура Сталина является довольно противоречивой, поэтому отношение к данному политическому деятелю в равной степени как положительное, так и отрицательное. В образах истории у российских студентов складывается очевидное противоречие: при всем запросе на развитие и модернизацию, «политическим злом» оказываются агенты развития и модернизации – Сталин, Ельцин, Путин.

При оценке места России в мире и мировой истории большинство респондентов относят нашу страну к ведущим мировым державам, другие отмечают, что она утратила статус мировой державы, но может его обрести вновь. Третьим по популярности у жителей мегаполиса является мнение о том, что Россия уже не сможет вернуть статус мировой державы.

По мнению опрошенных, наибольшее влияние на развитие мировой цивилизации Россия оказала в области культуры и науки. Область защиты прав человека была выбрана респондентами как наименее приоритетная.

На вопрос «Хотели бы Вы уехать из России в другую страну?» большая часть опрошенных ответила, что предпочитает жить в России при любом из вариантов развития событий (32,3 %), другая – рассматривает возможность иммиграции. Определенная часть жителей мегаполисов активно рассматривает варианты с временным переездом или иммиграцией.

Выводы

Авторские социологические исследования исторической памяти студенческой молодежи крупных российских мегаполисов позволяют сделать следующие выводы. Большинство столичных студентов являются поклонниками либеральной идеологии, социально мобильными, активными людьми. Хотя большинство их готово трудиться в России, на втором месте по популярности стоят респонденты, готовые уехать из страны. Социосемиотические структуры исторической памяти российских студентов неглубокие. Студенты мегаполисов знают историю своей семьи до третьего поколения, информации о жизни более ранних поколений нет у молодежи ввиду отсутствия информации от ближайших родственников, незнания общей исторической канвы развития нашего государства, а также отсутствия интереса к истории своего рода. Историческая память столичных студентов сложна и противоречива. Победа в Великой отечественной войне однозначно воспринимается студентами как величайшее «политическое добро», но основные ассоциации с этим периодом – голод, горе, жертвы и потери. Большинство респондентов негативно оценивают время либеральных реформ 1990-х гг., базовые ассоциации с этим периодом – криминал, бедность, безработица. Политическое добро для столичных студентов – победы в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне, полет в космос, олимпиады 1980 г. и 2014 г. Политическое добро среди исторических деятелей – Петра I, Жукова, Сталина.

Политическое зло в российской истории для респондентов – это крепостное право, «сталинские репрессии», голод при СССР, войны в Афганистане, Чечне. Считая «сталинские репрессии» политическим злом, респонденты тем не менее записывают самого Сталина в агенты модернизации. Следует отметить довольно большую долю опрошенных, у которой возникли трудности с ответами на вопросы о жизни собственной семьи, рода в период СССР. Наименее информированы респонденты о жизни семьи в период с 1917 г. по 1950-е гг.

Триггерами негативной политической мобилизации являются «сталинские репрессии», голод, неудачные войны.

Библиографический список

1. Ачкасов, В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 4. – С. 106–123.
2. Болебер, В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача // Журнал Практической Психологии и Психоанализа. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (дата обращения: 18.07.2021).
3. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 18.07.2021).
4. Доронина, С. Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // *Terps et Memoria*. – 2020. – Т. 1, № 1-2. – С. 36–43.
5. Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. Исследования исторической памяти: динамика индивидуального и коллективного начал // Материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–18 мая 2016 г.: в 2 ч. Ч. 2 / науч. ред. А. В. Данильченко и др. – Минск: БГУ, 2016. – С. 591–594.
6. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. – 2017. – № 4 (87). – С. 6–22.

7. Найдорф, М. И. Историзация, или производство прошлого (к культурологии времени) // Вопросы культурологии. – 2012. – № 3. – С. 11–15.
8. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия, психология и педагогика. – 2010. – Т. 10, № 3. – С. 39–44.
9. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019. – 220 с.
10. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40–41). – С. 8–27.
11. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
12. Эткин, А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 331 с.

References

1. Achkasov V. A. “Politics of memory” as a tool for post-socialist “nation-building”, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 106–123. (In Russian).
2. Boleber V. Memory and historysize: transformation of individual and collective trauma and its intergenerational transmission of, *Zhurnal Prakticheskoi Psikhologii I Psikhoanaliza*, 2010, no. 4. Available at: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (accessed 18.07.2021). (In Russian).
3. Welzer H. History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle, *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (accessed 18.07.2021). (In Russian).
4. Doronina S. G. Social structure of the past: individual and collective memory, *Tepus et Memoria*, 2020, vol. 1, no. 1-2, pp. 36–43. (In Russian).
5. Kapitonova T. A., Belokrylova V. A., Nikitina Yu. F. Research of historical memory: dynamics of individual and collective beginnings, *Proceedings of the International Scientific Conference and the 10th Scientific-Theoretical Seminar “Innovative Strategies in Contemporary Social Philosophy”*, Minsk, May 17–18, 2016: in 2 parts, part 2, scientific editor: A. V. Danilchenko et al., Minsk, Belarusian State University, 2016, pp. 591–594. (In Russian).
6. Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis, *Politeia*, 2017, no. 4(87), pp. 6–22. (In Russian).
7. Najdorf M. I. To the historicism, or past manufacture (to time cultural science), *Issues of Cultural Studies*, 2012, no. 3, pp. 11–15. (In Russian).
8. Romanovskaya E. V. Maurice Halbwaks: cultural contexts of memory, *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 39–44. (In Russian).
9. Safronova Yu. A. *Historical memory: introduction: tutorial*, St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publishing House, 2019, 220 p. (In Russian).
10. Halbwachs M. Collective and historical memory, *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no 2-3 (40-41), pp. 8–27. (In Russian).
11. Halbwachs M. *The social framework of memory*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p. (In Russian).
12. Etkind A. *Warped mourning: The Memory of unburied*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 331 p. (In Russian).